

О.С. Румянцева (Москва, Россия)

Эволюция образа Богородицы в польской литературе и лексические средства его создания

Аннотация: В статье анализируются лексические средства создания образа Богородицы в произведениях польской литературы разного времени (XV–XX вв.). Отмеченные в отдельных произведениях особенности сравниваются между собой, указываются наиболее частотные приемы, приводятся статистические данные. На основании проделанной работы делается вывод, с одной стороны, о развитии и усложнении образа (выдвижение на первый план семы ‘мать’, постепенный отрыв образа Божьей Матери от образа библейского, акцент на промежуточном положении Марии между миром людей и Богом) и появлении связанных с этим особенностей (безотносительное употребление лексемы *matka*, появление специальной лексемы *Madonna* для номинации изображений Марии, изменение функции портрета, увеличение количества метафор), с другой – о влиянии религиозной традиции на художественные произведения, о существовании традиционных формул и заимствовании устойчивых определений Марии из молитвенных текстов.

Ключевые слова: польский язык, польская литература, лексика, средства создания образа

O.S. Rumyantseva (Moscow, Russia)

The Saint Mary's Image Evolution in the Polish Literature and the Lexical Means of Its Creation

Abstract: The article analyzes the lexical means of creating the image of Saint Mary in the Polish literature of different times (15th–20th centuries). The features noted in particular works are compared to each other, also the most frequent literary devices are specified, and statistics are presented. On the basis of the analysis we conclude that the image develops and becomes more complex; that the religious tradition influences the works of art. There are also traditional formulas and borrowings of the stable definitions of Saint Mary from prayer texts.

Key words: Polish language, Polish literature, lexis, means of creating the image

Образ Богородицы занимает особое место в польской культуре. Среди польских католиков распространен культ Девы Марии как Королевы Польши. И хотя титул этот появился только во второй половине XVI в., уже в первых памятниках письменности Божья Матерь изображается с неизменным восхищением и прекло- нением. На протяжении веков произведения, посвященные Деве Марии, остава- лись важнейшим элементом как религиозной, так и художественной литературы, выражая любовь и почитание целого народа.

Целью моего исследования явился анализ лексических средств создания обра- за Божьей матери в текстах религиозной и художественной литературы разного времени написания, что дало возможность проследить их своеобразную эволю- цию. Основным источником материала послужил старопольский памятник начала XVI в. «Пшемьское размышление» («Rozmyślanie przemyskie», или «Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa») – самый обширный апокриф, описывающий жизнь Девы Марии начиная от самого ее рождения до событий, непосредственно предше- ствующих распятию Христа. Кроме того, были проанализированы старопольские религиозные песни (всего двенадцать произведений преимущественно XV в.) и поэтические произведения художественной литературы (произведения десяти поэтов XVI–XX вв.). Наибольшее внимание среди последних было уделено цик- лу стихотворений К. Бениславской, автора XVIII в., «Песни, спетые для себя» («Pieśni sobie śpiewane»), произведению Э. Шельбург-Зарембины «Мать и сын» («Matka i syn», 1961) и сборникам стихотворений под названием «Песнь о моем Христе» («Pieśń o moim Chrystusie», 1960) и «Гимны Марии» («Hymny Maryjne», 1963) Р. Брандштеттера.

Самые частотные лексемы, используемые в функции наименования (далее – *номинации*), зафиксированные в «Пшемьском размышлении», представлены в таблице:

Marja dziewica / dziewica Marja	127
Marja	67
błogosławiona dziewica	49
matka + компонент со значением притяжательности	43
miła matka	22
błogosławiona dziewica Marja	18
dziewica	17

Всего в памятнике представлено 107 однокомпонентных номинаций, а мно- гокомпонентных – более 300. Под многокомпонентными номинациями имеются в виду словосочетания (а не отдельные лексемы), использованные в номинатив- ной функции (в состав такой номинации, кроме детерминирующей лексемы, мо- жет входить имя собственное, определение или компонент со значением притя- жательности). Преобладание многокомпонентных номинаций закономерно: они дают возможность выразить свое отношение к номинируемому объекту. В свою очередь, зафиксированные однокомпонентные номинации выполняют преимуще- ственно только функцию идентификации (как имя собственное *Marja*).

Многие номинации (типа *matka*, *oblubieńca*) являются относительными: они показывают соотношенность данного лица с другими лицами. В терминологии А.Д. Шмелева такие имена называются реляционными и ограничиваются только лексемами, имеющими облигаторную валентность [Шмелев 1998: 170]. Обычно эта

валентность заполняется при помощи существительного в родительном падеже, притяжательного прилагательного или местоимения. Однако иногда валентность остается незаполненной, номинация употребляется абсолютивно и фактически перестает быть реляционной (терминология А.Д. Шмелева) [Шмелев 1998 171].

Самая частотная номинация в «Пшемыском размышлении», как следует из таблицы, – *dziewica Marya* ‘Дева Мария’ (была зафиксирована 127 раз, что составляет 28% всех номинаций). В старопольских религиозных песнях эта номинация зафиксирована 2 раза, а в произведениях художественной литературы всего 3 раза. Лексикализованному сочетанию авторы произведений художественной литературы предпочитают более выразительные метафорические (например, в текстах К. Бениславской они составляют около 63% всех наименований), тогда как в «Пшемыском размышлении» отмечены только 3 метафорические номинации: *zwierciadło czystoty* ‘зеркало непорочности’; *świca świętej czystoty* ‘свечок святой непорочности’; *studnia wszej miłości* ‘источник всей любви’. Нужно заметить при этом, что большая часть метафор представляет собой традиционные религиозные формулы, так называемые титулы Богородицы, заимствованные из текста Лоретанской литании, важнейшей католической молитвы: *Arko przymierza* ‘Ковчег Завета’; *Wieżo Dawidowa* ‘Башня Давида’; *Wieżo z kości słoniowej* ‘Башня из слоновой кости’; *Zwierciadło sprawiedliwości* ‘Зеркало справедливости’; *Domie złoty* ‘Золотой Дом’; *Różo duchowna* ‘Божественная Роза’; *Bramo niebieska* ‘Дверь небесная’; *Gwiazdo zaranna* ‘Утренняя звезда’. Среди наиболее частотных метафорических номинаций в религиозной лирике выделяются *róża* ‘роза’ и *gwiazda* ‘звезда’.

Другую большую группу среди метафорических номинаций составляют сочетания, созданные по традиционной модели: они представляют собой сочетание определяемого слова и несогласованного определения, выраженного существительным в форме родительного падежа типа *Dóbr wszelkich Skarbnico*, при этом несогласованное определение часто предшествует определяемому существительному. На распространенность таких конструкций в церковно-религиозном стиле русского языка указывает О.А. Крылова [Крылова 2011: 615].

Многочисленны метафоры и в старопольских религиозных песнях (они были зафиксированы 22 раза). Самые частотные из них: *roża* ‘роза’, например: *rajska róża wszech nakrassza*; *Maryja, światła róża* (всего 5 контекстов); *kwiat* ‘цветок’ (*wyzwolony kwiatku s Jessowa plemienia*, всего 3 контекста); *gwiazda morska / gwiazdo zamorska* ‘морская / заморская звезда’ (3 контекста); а также номинация на границе метафоры и метонимии *ucieszenie / uciecha* ‘утешение’ (*uciecho wszego świata; smutnym ucieszenie*, 3 контекста). Обратим внимание, что о многих из них речь уже шла при перечислении частотных метафор и в художественной литературе.

Другой важной чертой произведений художественной литературы является восприятие Девы Марии в первую очередь как Матери, причем не только Христа, но и всего человечества (отсюда преобладание лексемы *matka* и употребление ее абсолютивно). Интересно, что такой более личный взгляд на Богородицу проявляется уже в средневековых песнях: *Matka nasza miłosierna* ‘наша милосердная Мать’ («*Zdrowaś, krolewno wyborna*»); *Wszech ochotnych Matka* ‘Мать всех жаждущих’ («*Zdrowa, matko szczętna*»). В «Пшемыском размышлении» же более важной оказывается сема ‘невинная, чистая’.

Характерны для художественной литературы и для старопольских песен также определения и номинации, которые описывают Марию как защитницу, покровительницу всех людей: *rzecznica* ‘заступница’ (2 раза), *ucieszenie* ‘утешение’ (4

раза), *uciesznicy* ‘утешительница’, *uciecho* ‘утешение’, *potocnicy* ‘помощница’ (2 раза), *nadziejo nasza* ‘наша надежда’; *miłościwa* ‘милостивая’ (7 раз), *lutościwa* (*li-tościwa*) ‘сострадательная’ (2 раза), чего не было в «Пшемьском Размышлении».

Особое внимание следует обратить на сочетания типа *dziewica porodziła* ‘дева родила’ и *matka dziewica* ‘мать-дева’. Нарушение лексической сочетаемости (*matka* – ‘женщина, которая родила ребенка’, тогда как *dziewica* содержит сему ‘невинная’) необходимо для того, чтобы подчеркнуть чудо Непорочного зачатия: *porodziła dziewica męża nie poznawszy* («Пшемьское размышление»). Сочетания такого типа встречаются и в «Пшемьском размышлении», и в старопольских религиозных песнях, и почти в каждом проанализированном стихотворении. В художественных произведениях при этом подчеркивается недоступность человеческого разуму его понимания, например у К. Бениславской: *Nie wiem, z kim Ciebie pomierzać. Maryjo? Czy z mężatkami? Aliś Ty liliją. Czyli z pannami? Lecz matką-szczęśliwie* (*Pieś* 3); *O Matko Boga! Matko, razem Panno! Przed, po, w poczęciu Panną-s nieustanną* (*Pieś* 8).

Среди определений Богородицы во всех произведениях было зафиксировано больше служащих описанию внутреннего мира, а не внешности: для создания образа Девы Марии гораздо более важными оказываются качества ее души. Самые частотные эпитеты в «Пшемьском размышлении» – *błogosławiona* ‘благословенная’, *czysta* ‘непорочная’, *dostojna* ‘достойная’, в поэтических текстах – *godna* ‘достойная’, *czysta, błogosławiona*. Однако по сравнению с «Пшемьским размышлением» характеристики в художественных произведениях более разнообразны. Появляются, например, такие характеристики по действию, как *Ty, głowę starszy smoka okrutnego*, / *Którego jadem świat był wszystkim chory* (змея имеет отрицательную коннотацию и воспринимается здесь как воплощение зла и Сатаны).

Описанная идеальная внешность служит лишь для выделения Марии среди других людей, утверждения ее исключительности. Типичной при создании портрета становится синтаксическая конструкция с *ani* ‘ни то, ни другое’: *ani barzo wysoka ani barzo niska; ani rzadkie ani gęste; ani długi ani barzo krótki*. Для автора было важно отсутствие недостатков (например, и высокий, и низкий рост), а не конкретные черты внешности. Принципиальная разница отмечается в функции портрета в художественных произведениях: если в «Пшемьском размышлении» характеристики внешности не дают возможности представить себе Марию, то в произведениях художественной литературы конкретные детали внешности как раз, наоборот, служат «оземлению» образа, сокращению дистанции между человеком и Богородицей (см. произведения Р. Брандштеттера: *Dzieweczki, Która cichym ruchem dłoni / Odgarnęła z czoła ciemne włosy* («Ave Maria»); *Wówczas niskim, lecz przeciągłym głosem / Wielbi Boga* («Dzień powszedni w Nazarecie»).

Осознаваемая поэтами близость Марии людям приводит в произведениях художественной литературы к акцентированию двойственности ее положения. С одной стороны, она обычный человек, поэты описывают бытовые подробности ее жизни: *Ręce tam urobione, jak mówią, do łokci. Zwyczajnie – ręce matki. Nieraz spod parnokci krew tryska. Zwyczajnie rzecz; Nakrywasz czystym płótnem stół. Tak i ja czynię, Marto. I ja mąkę na chleby zaczerpuję kwartą za skrzyni, która i u mnie stoi na przewiewie, aby zawartość zawsze sypka była, nie zatęchnięta* (Э. Шельбург-Зарембина. «Matka i syn»). На лексическом уровне это выражается, как в приведенном примере, словами типа *zwykły, zwyczajny* ‘обычный, обыкновенный’ и конструкцией типа *i ja*. С другой – она избрана Богом, благословенна, обладает большим зна-

нием, что противопоставляет ее окружающим: *Tak, Synu, nie będę ja jako drudzy. Wiem, czego inni nie wiedzą; Wszystkie matki będziemy stać tam w pobliżu. Lecząc płakać będę ja jedna* (Э. Шельбург-Зарембина. «Matka i syn»). Кроме оппозиции *ja-inni*, такое восприятие Марии может выражаться также формами суперлатива: *Przenajświętsza Panno* (Я. Лехонь. «Matka Boska Częstochowska»), *O! Ty, najwybrańsza z wielu* (Ц.К. Норвид. «Do Najświętszej Maryi Panny. Litania») и др.

В произведениях художественной литературы образ Богородицы отрывается от образа библейского: во-первых, выделяется большая группа стихотворений, посвященных изображениям Божьей Матери (например, цикл Е. Харасымовича «*Madonny Polskie*»). Для называния этих изображений преимущественно используется специальная лексема *Madonna*, чего не было ни в «Пшемыском размышлении», ни в религиозных песнях: *O tej porze / Śpiewają Madonny. / O tej porze / Wędrują Madonny. / Wychodzą / Z obrazów, / Z kapliczek, / Z kościołów. / Idą / Z głębi czasu / Iz głębi świata, / Ulicami, / Polami, / Wszystkimi drogami, / Wszystkie Madonny. / Gotyckie, / Renesansowe, / Barokowe, / Współczesne* (Р. Брандштеттер. «Anioł Pański»). Во-вторых, образ начинает осмысливаться в контексте событий современной истории: *przedwojenna Matka Boska; Matka Boska przeszła przez Katyń* у Я. Твардовского; *Stała pod krzyżem judejska Madonna, / Obelisk bólu wołający w niebo / Z pieców Treblinki* («*Stabat Mater*») и др. Часто для номинации используется традиционная модель, т. е. уже отмеченное выше сочетание с несогласованным определением в родительном падеже (*Matka Boska Katyńska* в стихотворении С. Зарембского «*W Katyniu*» или *Matka Boska Stalagów* из одноименного стихотворения К.И. Галчиньского). На первый план в таких контекстах выходит сема 'мать'.

Итак, в художественных произведениях создается более сложный и многосторонний персонаж, трагичный и склонный к рефлексии, что достигается и лексическими средствами. Однако, несмотря на все отличия, на произведения художественной литературы оказывает значительное влияние религиозная традиция. Отмечается преемственность средств, существование устойчивых формул и определений.

ЛИТЕРАТУРА

Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта. Наука, 2011. С. 612–616.

Шмелев А.Д. Типы «невыраженных валентностей» // Семиотика и информатика: Сборник научных статей. Вып. 36. М.: Русские словари, 1998. С. 167–176.

Brandstaetter R. Pieśń o moim Chrystusie. Hymny Maryjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1988. 180 str.

Brückner A. Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa: z rękopisu grecko-katolickiego kapituły przemyskiej. Kraków: Akad. Umiejętności, 1907. 484 str.

Benislawska K. Pieśni sobie śpiewane / wydał Tomasz Chachulski. Warszawa: IBL, 2000. 235 str.

Harasymowicz J. Madonny Polskie. Warszawa: Czytelnik, 1969. 89 str.

Szelburg-Zarembina E. Dzieła: 12-tomowa edycja wydania z okazji 50-lecia pracy pisarskiej autorki. T. 4: Ecce homo; Sygnały; Matka i syn; Samotność. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1971. 360 str.

Twardowski J. Blisko Jezusa / Wybrał Waldemar Smaszcz. Warszawa: Instytut wydawniczy PAX, 1995. 160 str.

REFERENCES

Krylova O.A. The Church Religious Style of Language. In: The Encyclopedic Dictionary of Stylistics of the Russian Language / Ed. M.N. Kozhina. Moscow. Flinta, Nauka Publ. 2011, pp. 612–616.

Shmelev A.D. Types of Unexpressed Valences. In: Semiotics and Informatics. Issue 36. Moscow. Russkie Slovarei Publ. 1998, pp. 167–176.

Brandstaetter R. (1988) Pieśń o moim Chrystusie. Hymny Maryjne. Warszawa. Instytut Wydawniczy Pax. 180 str.

Brückner A. (1907) Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa: z rękopisu grecko-katolickiego kapituły przemyskiej. Kraków. Akad. Umiejętności. 484 str.

Benisławska K. (2000) Pieśni sobie śpiewane / Wydał Tomasz Chachulski. Warszawa. IBL. 235 str.

Harasymowicz J. (1969) Madonny Polskie. Warszawa. Czytelnik. 89 str.

Szelburg-Zarembina E. (1971) Dzieła: 12-tomowa edycja wydania z okazji 50-lecia pracy pisarskiej autorki. T. 4: Ecce homo; Sygnały; Matka i syn; Samotność. Lublin. Wydawnictwo Lubelskie. 360 str.

Twardowski J. (1995) Blisko Jezusa / wybrał Waldemar Smaszcz. Warszawa. Instytut wydawniczy PAX. 160 str.

Сведения об авторе:

Ольга Сергеевна Румянцева,
бакалавр
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga S. Rumyantseva,
Bachelor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
orumiantsevaklg@gmail.com